

1997 N25

...увидеть собственное зрение.

М.Айзенберг

Книга Михаила Айзенберга "Взгляд на свободного художника" (Москва: "Гендальф", 1997) состоит из отдельных статей, написанных в основном до середины девяностых годов. Но это именно книга, а не сборник статей, книга цельная и органичная. Ее цельность не в незыблемости универсальных доктрин, а в реальности очень конкретного - от страницы к странице - мышления, в той самой реальности, поисками которой и заполнена эта книга.

ЧАСТЬ 1. КРИТИКА КРИТИКИ

Теперь каждый автор - критик. Верней, только критик и может быть автором. И чем большие критические усилия он совершает, тем явственней вырисовывается его уникальный авторитет, для укрепления которого больше не требуется ни читатель, ни автор, ни... критик, то есть действительно НЕПРЕРЕКАЕМЫЙ авторитет: то МЕСТО, которое только тогда и БЫВАЕТ свято, когда оно пусто. Пусто, обло, озорно, стозевно и лаяй. "Это же не другая культурная реальность, это хищная, кровожадная мнимость, полное небытие идет на нас, подминая и слизывая всякую жизнь... И самое страшное в том, что ЭТО не вызывает в нас никаких эмоций. Чтобы что-то здесь понять, надо не приглушать, а из последних сил вызывать к жизни свои человеческие реакции. Взывать к жизни. И, может быть, тщетно."

Итак, нам, должно быть, понятно хотя бы то, что критика критики - это не просто название одной из статей, не только тема статьи под таким же названием. Что это не зараженный чрезмерной рефлексией и релятивизмом гиперкритический взгляд на искусство, не агрессивная капитуляция и вымученная "игра" в бирюльки. Что это, конечно же, не желание еще больше запутать читателей и таким образом подчинить их себе. И что, наконец, эта критика критики - не сведение счетов, не обиженность на каких-либо конкретных критиков за то, что они не тех и не так ругают и хвалят. И, может быть, нас уже не так удивляет, что критика критики предпринимается с "позиции чистого лирика", как определяет позицию Айзенберга Лев Рубинштейн. И ведь как раз лирика, "эта казалась бы, самая нежная зыбкая форма искусства, намного сильнее связана с критикой, и это, по-видимому, проистекает из ее субъективности и прямолинейности, из той непосредственности, с какой в лирической поэзии слово становится носителем чувств, настроений, взглядов" (Т.Манн) И это, конечно, противоположно "культбитам" постмодернистов, у которых "искусство то и дело сбивается на анализ, а аналитические штудии - на художество" (Словарь "Цирка "Олимп"). Айзенберг ведь НАСТОЯЩИЙ поэт, и его статьи об искусстве нормальны: в них нет и следа каких-либо художеств. В идеологии постмодернизма "нормальный" - это массовид, придавленный интеллект: "Нормальные" люди являются носителями "культурного бессознательного", т.е. внеперсональных дискурсивных практик, и эти люди тем "нормальнее", чем меньше они задумываются о том, что тот или иной дискурс их сознание, в сущности, насилует" (Словарь "Цирка "Олимп"). "Грозил ли когда-нибудь миру малейшая опасность погибнуть от избытка разума? - восклицал

Томас Манн еще в 1947-ом году. - В действительности, стоит нам только подумать, до какой степени у большинства лю-

дей интеллект, разум... подчинены и задавлены волевыми импульсами, безотчетными побуждениями, корыстью, как мысль о преодолении интеллекта... покажется нам абсурдной." Но, как справедливо заметил Айзенберг, "абсурдность абсурда видит только нормальный человек, для идиота (или "постмодернистски чувствительной ШИЗОИДНОЙ ЛИЧНОСТИ" в терминологии постмодернизма - А.О.) абсурд нормален." Айзенберг говорит, например, об увлеченности Всеволода Некрасова феноменом клишированного сознания, которое "для него не объект исследования, а собственный его стыд, ужас. Он отрывается от клише, отстоит от него "на расстоянии позора" (Л.Иоффе). Это нормальная реакция нормального человека. Большая, между прочим, редкость". Так все же: нормален ли "нормальный" массовид постмодернизма, не сознающий, что его насилуют, придавленный задавленным в свою очередь интеллект? Или мы уже в сфере художеств, где вопросы вообще неуместны?

В замечательном словаре "Цирка "Олимп" художества постмодернистов выглядят еще, так сказать, художественней: "Нет абсолютного угла зрения. Не существует стройной "картины мира" и нет правильного прочтения текста... Наш взгляд на мир всегда зависит от ракурса, поэтому глупо и пошло претендовать на "объективность" и истину." И странно: ученый, не претендующий на объективность и истину, нонсенс, а между тем, при общем падении престижности науки и, так сказать, оплощении фигуры ученого, как раз ученость ученого-постмодерниста не только не вызывает сомнений, но и позволяет ему занимать в то же время позиции вождя, мудреца, художника, идеолога - АВТОРИТЕТА. При этом предмет всей его науки как будто уже отсутствует.

При чем здесь постмодернизм? Ни одна статья книги Айзенберга не посвящена постмодернизму, автор упоминает о нем очень редко и вскользь. Больше того, в статье, не вошедшей в книгу, Айзенберг пишет: "...употребление термина "постмодернизм" делает разговор предсказуемым и отчасти бесприметным. Обсуждение круга понятий, связанных с этим термином, как будто потеряло актуальность. Ругать постмодернизм так же глупо, как и хвалить. Это понятие без реального значения, слово-чехол. Или явно спекулятивная попытка обозначить отсутствие каких-то возможностей в терминах присутствия, существования."

Ответ - в этом самом высказывании о постмодернизме. "Я верю в пустоту. - говорил Иосиф Бродский. - В ней, как в Аду, но более херово. И новый Дант склоняется к листу и на пустом месте ставит слово." Оказывается, подобное действие затруднено. Место не пусто, а ЗАНЯТО пустотой. И слово в нем исчезает, сливается с пустотой. Становится общим местом. "Тень, знай свое место"? - "Никто не знает своего места, - отвечает Михаил Айзенберг. - Он пытается поставить себя на место каждого, но у КАЖДОГО уже нет своего места". Это общее место, то есть ничье. Это место присутствующего отсутствия места, мнимое МЕСТО.

"Реальное искусство независимо от места и времени, оно поразительно хрупко, только мнимость бесконечно живуча". Поэтому и существует опасность, что взывание к жизни (критика критики!) окажется тщетным.

Рифма! Дыра! Корова!
Луг и живая изгородь!
Башенка остролиста. Веточка чебреца.

Кто исцелит, кто же меня спасет?
Кто защитит от мысли, что все напрасно?
(М.Айзенберг)

"Беда в том, что мы живем в эпоху тотального "постмодернизма", ... и в новых установках, на первый взгляд таких обескураживающе убедительных, постепенно обнаруживается страшно знакомая агрессивность победивших стереотипов. Постмодернистское

сознание исходит из того, что... никакой подлинности нет ни в чем. Все более внятно и директивно предлагается нам один радикальный выход из всех ситуаций: исчезнуть без остатка. Что это значит? Это значит - принять как данность, что все наши мысли и труды полностью, без остатка произошли от культурных и социальных обстоятельств данного времени. И нет в нашей жизни ни одной крупницы, которая имела бы шанс спастись от таких обстоятельств.

В художественной практике последних десятилетий многое останется непонятым, если упустить из вида этот воспаленный фон: тайную борьбу души за собственную автономию."

УПУСТИТЬ, НЕ ПОНЯТЬ, то есть видеть в "жалобных книгах" (А.Уланов) Айзенберга, Некрасова, Сабурова, Сатуновского... бытописательный примитивизм, плоское экспериментаторство, бедность мыслей и словаря можно лишь при особом желании НЕ ПОНИМАТЬ.

Мне говорят:
какая бедность словаря!
Да, бедность, бедность...
(Ян Сатуновский)

К сожалению, пресловутая ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СИТУАЦИЯ - не досужие домыслы постмодернистов, которые, впрочем, приложили немало сил для ее упрощения и уже располагаются в ней с комфортом. "Реальность давно исчезла". И эта декларация Бодрийяра не кажется Айзенбергу смехотворной: "Постмодернизм - не какое-то определенное направление, а скорее идеологема времени, В КОТОРОМ МЫ ВСЕ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ НАХОДИМСЯ" (выделено мной - А.О.). Он как бы только конкретизирует высказывание Хассана о том, что "мы пребываем в ином Времени и в ином Пространстве и не знаем адекватных ответов на вопросы действительно-сти":

"Может быть, все составные части мира, вплоть до самых элементарных, не соответствуют своим прежним определениям. Может быть, изменилось агрегатное состояние мира... Не только воздух, не только вещи, но и все связи, все отношения изменились... Мы разучились жить. Жизни почти нет, она осталась в деталях и совпадениях, в случайных воздушных пузырьках. К этому все и сводится - к отвоеванию жизненного пространства, воздуха жизни, у косной мертвящей силы, у низовой стихии, размыкающей личность и отменяющей биографию, отменяющей быт..."

...все это есть тихий, замедленный конец света (именно "не взрыв, а всхлип", по Элиоту), когда жизнь постепенно кончается, постепенно оставляет одну за другой разные области существования, начиная, естественно, с высших. Например, с поэзии." В такой ситуации Айзенберг и предполагает создание особого жанра критики "критики", которая вообще не является критикой, во всяком случае - художественной. Когда "какие-то" явления, какие-то, не дай бог, стихи интересуют критика-идеолога в последнюю очередь." Это "охотник за властью" с наработанными приемами "борьбы с любой властью. С властью идей (любых идей), с властью искусства (любого искусства), с властью привычного для человека образа самого себя. В основе этой борьбы лежит убеждение, что любая власть - советская". Охотник с замкнутым разработанным кодексом и универсальной доктриной "исчерпанности возможностей искусства. Этой исчерпанности, - цитирует Айзенберг "Флэш Арт", - суждено стать частью более общего конца самой Реальности в китчевом мире бесконечной симуляции".

(окончание следует)